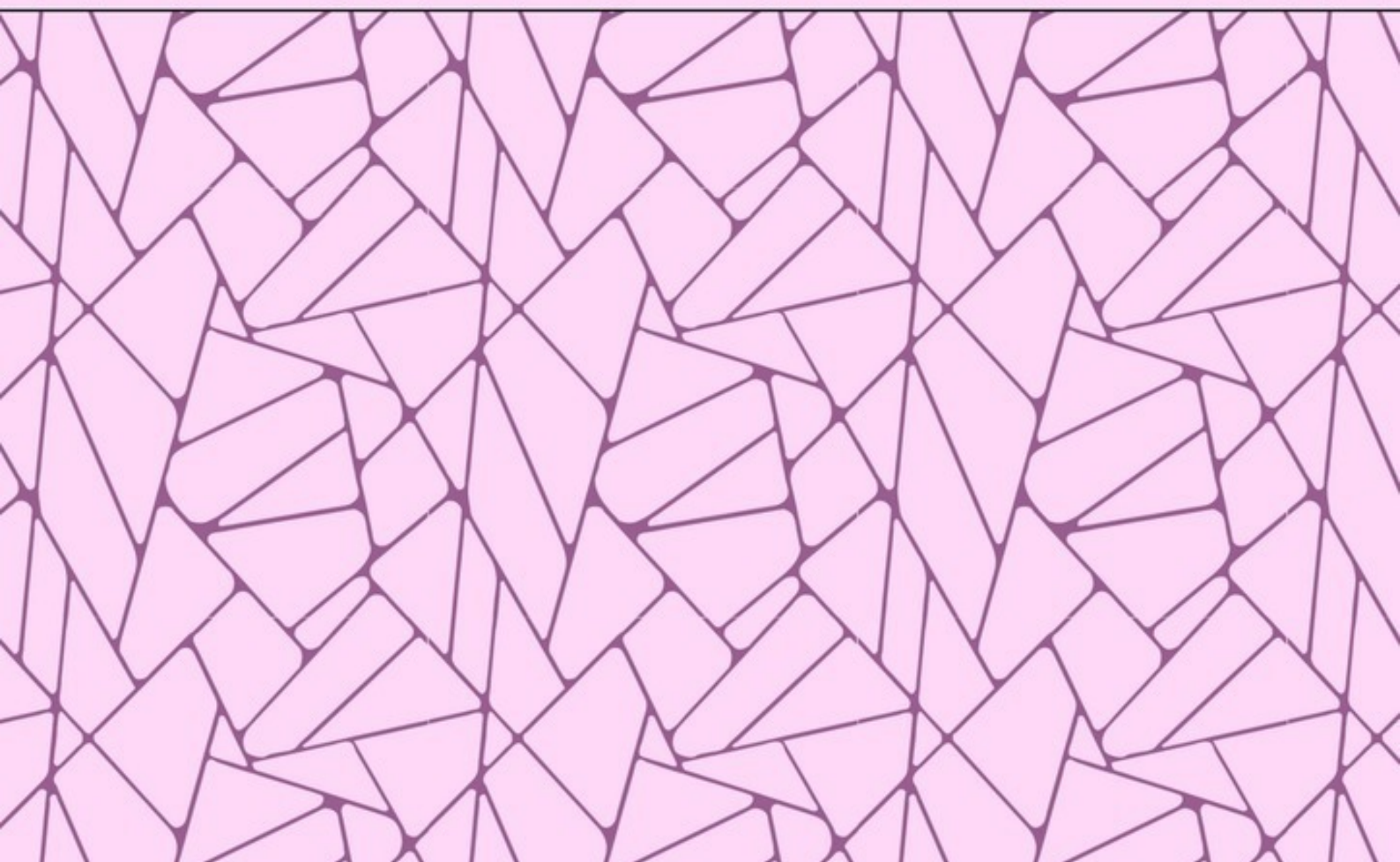

Людмила Воробьёва

*ЕДУ Я
НА РОДИНУ...*

Когда Украина скакать перестанет?

Людмила Воробьёва

**ЕДУ Я НА РОДИНУ... Когда
Украина скакать перестанет?**

«Издательские решения»

Воробьева Л.

ЕДУ Я НА РОДИНУ... Когда Украина скакать перестанет? /
Л. Воробьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905753-2

Эта книга — результат моих воспоминаний и переживаний... Детство, школьные годы на Украине — только добрые чувства! Сейчас живу в России. Мне здесь комфортно! О своей родине думаю часто, сочувствую украинскому народу, ведь от режима Порошенко ничего хорошего ждать не приходится.

ISBN 978-5-44-905753-2

© Воробьева Л.
© Издательские решения

Содержание

Лейпциг пока ничего не знает о нашем классе	6
Отвори мне калитку в былое...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

ЕДУ Я НА РОДИНУ... Когда Украина скакать перестанет?

Людмила Воробьёва

© Людмила Воробьёва, 2018

ISBN 978-5-4490-5753-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лейпциг пока ничего не знает о нашем классе

Сердечко моё сжимается от страха, когда я, первоклассница, вместе с другими ученицами в кокошниках танцую «Во поле берёзонька стояла». А буквально через пару лет наша красавица пионервожатая Жанна Ивановна Шикуча по субботам организует для всех классов вечера танцев. Мой брат-четвероклассник, немного моложе меня, – два вершка от горшка – приглашает её на танец, а она демонстрирует, как должна вести себя при этом истинная леди. Мой одноклассник Генка Зелинский, с которым я тогда сидела за одной партой, привлекает моё внимание какими-то не известными мне, но интересными па. Говорит, что это липси. Его ноги, похожие на радугу, словно созданы для этого танца. Генку невозможно не заметить – лицо усыпано конопушками, волосы, окрашенные солнцем, мягко шевелятся в такт мелодии. Но откуда он узнал о липси?! Лишь гораздо позже мы раскроем секрет этого слова. Lipsi – старинное название немецкого города Лейпциг. Но Лейпциг пока ничего не знает ни о нашем украинском городке Шепетовке, ни о нашей школе, ни о нашем классе...

Седьмой класс. Меня окрестили именем «НСХ» (Никита Сергеевич Хрущев). Это значило, что я в классе лидер. Рядом со мной за правительственными столами, то бишь партами, восседают главы других государств – «Джавахарлал Неру», «Мао Цзедун», «Фидель Кастро», «Джон Кеннеди»... Поразительно, но не могу вспомнить, кто из одноклассников исполнял ту или иную роль. Помню только себя, любимую! К тому времени, кажется, Карибский кризис был в основном разрешён, но, сами понимаете, проблемы всегда имеют место, и главе государства надо уметь общаться на высшем уровне. А я даже и в Потсдамской конференции не могла разобраться. Учитель истории Владимир Арсеньевич Макуха за эту самую Потсдамскую поставил мне несколько двоек – думаю, что не в журнал, иначе меня бы оставили «на лето» или даже – упаси боже – на второй год. Но в скульптурный памятник Черчиллю – Трумэну – Сталину, возведенный у железнодорожного вокзала, я стала вглядываться внимательнее.

Учитель географии Евгений Гаврилович Богатиков даже пару раз выгнал меня с уроков. Я много болтаю? Это ж надо! Евгений Гаврилович, я не болтаю. Я речь держу! А разве в длинном узком школьном коридоре я могу ораторствовать? Мне же электорат нужен!

На уроках русского было скучновато. Но за учительским столом – обаятельная Алла Алексеевна Струтинская, закутанная в пуховую шаль. Строгое обаяние. Уроки она всегда вела сидя. Как ей это удавалось, ума не приложу. Может быть, она просто скучала. Вот какое терпение нужно иметь, чтобы дослушать ответ моего одноклассника Витьки Барышева:

– Имя прилагательное – это... – класс подсказывает.

– Имя прилагательное – это часть... – из наших уст сыплются усиленные подсказки.

– Имя прилагательное – это часть речи...

Учителю не удаётся добиться ответа. Грамотной «НСХ», которая, кстати, правил тоже не учила, хотелось, чтобы её хоть на время освободили от таких «парламентских слушаний». Многим, правда, такой ответ-тягомотина был выгоден – урок быстрее закончится и шансов, что тебя вызовут к трибуне, очень мало. А если вызовут ненароком? Так пока Витька напрягает свой мозг, можно стихотворение выучить! А правила я буду знать ой как не скоро! И только потом осознаю, что нас не приучали копаться в словах, разгадывать их происхождение. А ведь это помогает формированию грамотной личности.

На уроках физики было поинтереснее. Я не «физик», но кое-что понимала. Но когда нам сказали, что у учителя один глаз искусственный, мы не сводили с него своих глаз. Иван Иванович Ткаченко был такой обаятельный, зеленоглазый.

Вы думаете, мы были гапками? Моду тогда тоже никто не отменял. Мама Нэли Шульц шила модные брюки с манжетами внизу – конечно, только избранному кругу, «НСХ», естественно, была в кругу избранных персон. И туфельки-лодочки от чехословацкой фирмы

«Цебо» помогали радоваться жизни. Такой удобной, «радостной» обуви у меня было очень мало – солнечного цвета ботиночки из свиной кожи и чёрные резиновые сапожки – боты, ботики. В них и море по колено. Добрым словом вспоминаю купленные уже в Уфе венгерские сапожки на шпильках, в которых я порхала. Сейчас в основном порхаю в кроссовках. А какова этимология слова «гапка», я узнаю через много лет.

Так. Значит я лидер. В школе, в классе. А дома играю в куклы – шью для них платья из бумаги. Зато сейчас даже пуговицу пришить для меня... ну вы понимаете. Хотя уроки домоводства у нас были. Но зачем в школе учиться пришивать пуговицу? Дома есть мама!

Под мою диктовку от имени некоего кавалера кто-то писал письма нашей однокласснице Наталке Никитюк. Она была рада каждому письму-треугольнику. Потом нас кто-то предал, и наш милый розыгрыш раскрылся. Кстати, в те годы почти все школьники с кем-то переписывались. Это было массовое движение. Я, например, переписывалась со своей ровесницей из Кишинёва Леной Гаус. Уже будучи взрослыми, мы возобновили переписку. Но однажды Лена написала, что ей сделали тяжёлую операцию в Москве, что в Молдавии живётся очень тяжело и, чтобы выжить, ей приходится что-то шить на продажу, хотя нагрузка на голову сейчас нежелательна. После этого следы моей подруги по переписке потерялись. Все мои попытки разыскать её пока не увенчались успехом. А кишинёвский адрес моей подруги по переписке я никогда не забуду: ул. Гагарина, 7.

Классом мы ходили за металлоломом. С риском для жизни бродили по железнодорожным путям, подбирая ненужные железяки. Гайки, конечно, не выкручивали – нешто мы люди темные, нешто мы не понимаем? Не злоумышленники мы! Не очень старательный новенький ученик Володька Высоцкий с удовольствием присоединился к нашим походам. И так же, как он появился в нашем классе, так и исчез.

Мальчишки-одноклассники были уже совсем своими, родными, а Высоцкий казался нам мачо.

Снова воспоминания. В моём дворе растут роскошные георгины. Мы, несколько не очень умных девчонок, из клочка бумаги скручиваем кулёк, пихаем туда горсть сухих цветочных листьев и даже пару раз не очень удачно пыхтим. Так, видимо, делали взрослые. А мы во многом были попугаями. Чаще, конечно, мы с подружками выходим на улицу с куклами, мастерим из дёрна скамеечки, играем в семью. Сейчас из своего уфимского окна я очень редко вижу детей, играющих в подобные игры. Кажется, это удел только пятилетних малышей.

А ещё мы с девчонками ходили в тир. Стреляли. И я часто попадала в цель. Сейчас я вообще не могу видеть оружие. Но тогда же я впервые увидела смерть. Тяжёлая болезнь отняла жизнь у молоденькой дочери наших соседей, живших на другой улице. Гроб, девушка в свадебном наряде... Картина была жуткой, непонятной.

В этом же, седьмом, классе я прочитала семитомное собрание сочинений Мопассана. Кто мне дал почитать эти книги, не помню. Что я там понимала, не знаю. И лишь потом я открыла для себя красоту мопассановских строк.

Но вот выпускной. У меня восьмилетнее образование. Поздравить меня с этим событием приезжают тётушки из Уфы. Дарят мне модное нейлоновое платье – на белом поле нежные розы. Такого наряда в нашем городке не найти. Через три года я навсегда расстанусь со своим двором, со своим домом. И долго буду страдать оттого, что родители не захватили с Украины мои книги и фотографии популярных тогда артистов.

Отвори мне калитку в былое...

Но дом звал меня домой, в городок, где я родилась. И через много-много лет я поехала туда. Поезд Уфа – Москва. Пересадка. Поезд Киев – Черновцы. Станция за станцией. Всегда привлекали своим названием Валуйки. Просто тогда мы в семье увлекались грибами и даже солили грибы валуи. Валуйки-валуйки... Киев, Харьков, Ясиноватая, Полонное, Казатин... Всегда обращала внимание на романтическое название «Ясиноватая». Весь поезд разговаривает по-русски, но с украинским акцентом. Люди в основном едут с Севера, там они зарабатывают себе на жизнь. Деньги у всех есть немалые. На каждой остановке пассажиры запасаются огромным количеством провизии, в вагоне душно, смешанные ароматы – варёная курица, вареники, огурцы, капуста. Родители выполняют любое желание капризничающих, уставших от долгой дороги детей. Но вот и моя станция. Боже, как же долго я здесь не была! Найду ли родственников? Где мне придётся жить-ночевать, ведь связи с Украиной за долгие годы ослабели... Но ноги сами несут меня в нужном направлении. Шесть утра, а солнце уже хорошенько поджаривает. Вот непредвиденное – на дороге разлеглась собака. Я останавливаюсь, мы впиваемся друг в друга взглядами. Проходит минут 5—10. Идти дальше? Нет! Мне достаточно шрамов от собачьих укусов, я их была удостоена в детстве – именно здесь, на Шанхае, на дядюшкином дворе, какой-то пёс ухитрился вытащить меня, дитя малое, прямо из автомобиля. А почему район этот называется Шанхаем, я не знаю. Китайцы, наверное, здесь когда-то жили.

– Та она не кусается! Не лякайтесь! – из какого-то двора доносится женский голос. Перевозу дыхание... Хорошо, что я неинтересна пёсику. Иду понад лесом, здесь мы с братом собирали ягоды и грибы-красноголовцы, по-другому – подосиновики. Чернику домой донести не удавалось, но мама легко догадывалась, куда она делась. Подхожу к знакомой незнакомой усадьбе. Роскошный куст сирени. Аромат необыкновенный, утренний, густой – такого днём не бывает. За калиткой – добротный дом. Где тот дом, где жила семья моего дядюшки? Где то роскошное ореховое дерево, под густыми ветвями которого мы в детстве играли, когда взрослые занимались своими делами? Ореховое дерево осталось только в моих воспоминаниях. Стучу в калитку. Меня встречают родные.

Волнение необыкновенное...

Старый дом дядюшки рядом, за забором, сейчас он принадлежит не знакомым мне людям. В этом домике когда-то жила семья Гетманчуков с дочерьми – Натальей, Еленой и Галиной. Я хорошо помню трёх сестёр – улыбчивых, певучих. Война смела улыбки с их уст – в городок вошли фашисты. Забирали куры-яйка, одежду. Пришлось сёстрам шить себе платья из парашютов. Вот здесь-то и попал в плен к фашистам мой раненый дядюшка. Сёстрам удалось его выкупить. Прятали молоденького солдата в погребе, каждую минуту опасаясь за его и свою жизнь. Они спасли Гришу, и он остался в их доме навсегда, женившись на Наталье – ямочки на щёчках. А уже после войны он позвал моих родителей в украинский городок, и они приехали. Так мой папа, тоже защищавший Украину, встретился после многих лет разлуки со своим родным братом Гришей, добродушным, словоохотливым, ростом с дядю Стёпу. Сын дядюшки, Леонид, весь в папу уродился. Добрым был, щедрым. А улыбку и ямочки на щёчках сыну подарила Наталья.

Итак, у калитки меня встречают родные. В живых из сестёр – только Галина. Я считаю её своей бабушкой. Она и семья её дочери встретили меня со слезами на глазах, мы радовались, что нам удалось свидеться.

По вечерам все вместе смотрим сериалы на «Интере» и балакаем за жизнь.

– Жить хорошо. Только жить уже некогда, – приговаривает бабушка. – Вот если бы не дети, то пошла бы я уже с довгою рукою под церкву. За милостыней. Вот такая пенсия у нас, подачка. Страшная война – страшная беда. Мы прятались от бомбёжек в погребе, мы сидели

на глазах. У сестры Лены все волосы повылазили. Как-то фашисты начали бомбить – в воздух полетели даже колёсные пары, страх божий. Меня ранило в ногу. Возле криницы лежала неразорвавшаяся бомба, страшно стало ходить за водой. Взяла пуд муки – отнесла в лес, чтобы без еды не остаться. Бомбёжка кончилась – а обратно мешок отнести уже не могу. У нас у всех шкура да рёбра. Воды не было – пили берёзовый сок. Прятать Гришу от украинских полицаев, приехавших сюда в основном из Западной Украины, было тяжелее, чем от фашистов. Особенно все боялись Семенюка – он и сейчас жив. Часто Грише приходилось выходить на свет божий, делать то, что прикажут полицаи.

У меня сердце разрывается от боли, когда слушаю бабушку Галю. Нет в живых её сестёр, нет в живых моего любимого дядюшки Гриши. Помню его рассказы о том, как после войны он участвовал в освоении целины. Именно от него я узнала о таких городах, как Рудный, Кустанай, Целиноград (Астана). А умер дядя мой уже в мирное время, без одного уха. Во время боёв фашистская пуля задела этот орган. После войны раненое ухо стало напоминать о себе болью – врачам пришлось отнять его. Разговорчивым был дядя Гриша, часто рассказывал о русско-японской войне, в которой участвовал. Но память моя здесь заржавела. Пару раз дядюшка гостил и в Уфе. Помню, отведав моих пельменей, долго хвалил наше, башкирское, мясо.

...А днём ноги несут меня из Шанхая к своему родному дому. Здесь мы жили с семьёй моей подружки Тамары. Почему-то очень спешу. Буквально мчусь по проспекту Мира – раньше его не было. Замечаю роскошный каштан – раньше его тоже здесь не было. Ишь какой вымахал! А цветов-свечек на нём сколько! Моя родная улица показалась незнакомой, какой-то кривой, неухоженной, пыльной. Но ошибиться мои ноги не могли – здесь я шагала тысячи раз. Бег ускоряю... Застываю как вкопанная. Хата моя где-то здесь. Кручусь, оглядываюсь. Взгляд мой ищет. Вот она, родимая, – обросшая, как сакля, чьими-то комнатухами. Здесь я прятала в шкафу от гостей своё покусанное осами лицо – боялась выглядеть некрасивой. Здесь к нам на каждый Новый год приходил фотограф и снимал меня в платье-снежинке, а брата в новогоднем костюме Петрушки. На одной из фотографий – папа, мама, папина мама и, конечно, мы, нарядные дети. Как хорошо, что сохранилось это фото! Стою у дома – шевельнуться не могу. Такой был большой двор, почему он сейчас такой маленький? Здесь меня ещё раз в детстве покусает соседская собака, гостившая у нас, пока хозяйский участок обрабатывали ядом от каких-то вредителей. Я уже была в пасти этого огромного пса, чувствовала на своём теле его клыки. Но подросел с ружьём дядя Марк – наш сосед, выручил девчонку. Здесь, в этом дворе, меня давно уже никто не ждёт. Дом – чужой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.